

16+

Денис Белоногов

Поезд

Денис Викторович Белоногов

Поезд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48563806

SelfPub; 2019

Аннотация

Долгая поездка по железной дороге – это редкая возможность покопаться в своих мыслях, взяться за то, что давно хотел сделать.

Взгляд, устремленный в одну точку, куда-то в даль, простирающуюся за окном поезда, несущегося сквозь снежное марево. Снег валит так густо, что кажется заменил собой воздух. Пышные хлопья, разгоняемые несущимся поездом, закручиваются в причудливые вихри.

Все теряется в дымке и кажется таким размытым. Там вдалеке проплывают призрачные очертания леса. Ты не уверен, что видишь его, может быть это разум, зная, что лес где-то там – дополняет твою действительность. Взгляд не может сосредоточиться на чем-то определенном и только электрические столбы, словно пульсации на экране медицинского монитора, проносятся мимо через равные промежутки времени.

За окном промелькнул старенький покосившийся дом. Не успеваю его рассмотреть и воображение снова дорисовывает детали за меня. Кажется он был бревенчатый. Того неоднородного, буро-серого цвета, который приобретает древесина со временем. Заиндевевший. Огромная снежная шапка венчает его крышу, отчего крыша выглядит непропорционально большой, а домик словно никнет под ее тяжестью. Ты пытаешься вспомнить детали и ловишь себя на мысли, что уже не уверен видел ли ты его или он плод твоего воображения. С каждой секундой его образ все больше размывается в твоём сознании. Каждый новый столб, вдоль путей, словно магнитный стержень в детской доске для рисования, раз за разом стирает нарисованную в твоей памяти картинку.

Отстраняюсь от окна и только теперь замечаю книгу в своей руке. Вспоминаю почему решил почитать – эту поездку мы планировали давно, в доме моих родителей было запланировано торжество и по этому случаю, вся семья, все близкие и друзья собиралась у них дома. Путь предстоял не близкий – железной дорогой через пол страны. Это уединение, вкупе с вынужденным бездействием, давало мне возможность сделать то, что я давно планировал – заняться моей рукописью, трудом, который должен был ознаменовать новый этап моей жизни, причина моих волнений, и мыслей занимавших мою голову долгое время. В сумке, лежащей на багажной полке, находилась моя рукопись. Казалось звезды сошлись и ни что не в состоянии отвлечь меня от возможности наконец заняться ей. И вот день, когда мы должны были отправиться в путь, настал. В предвкушении работы я был весь как на иголках, мысли так и бурлили в моей голове, нетерпеливо ожидая, что я вот-вот положу их на бумажный лист. Я даже старался отбросить их, чтоб не дай бог не придумать что-то настолько важное, что я вынужден буду или срочно записать это, или пережить страшное потрясение забыв, и это будет угнетать меня еще очень долго. По этому, хоть я и был весь в нетерпении, но сознательно сосредоточился на том, что мы спокойно соберемся, сядем в поезд, тронемся и когда я буду уверен, что мы ничего не забыли, устроились, осмотрелись, спокойно движемся, и теперь ничего не отвлечет меня от дела – вот тогда я достану руко-

пись и сяду за дело. Разумеется, когда все это наконец закончилось и я собирался взяться за рукопись – я сдрейфил. Ну то есть не буквально испугался, а вдруг поймал себя на мысли, что мне совершенно нечего сказать, нечего положить на лист. Те мысли которое еще недавно назойливо одолевали меня и просились на бумагу, внезапно испарились. Я не сильно унывал, думал, что еще немного, вот-вот, и они появятся, и тогда... Чтоб скоротать время до этого вдохновенного момента я и взял книгу. А теперь я сидел в купе, не мог собраться с мыслями, не мог читать и только одна мысль угнетала меня:

– У тебя так бывает...? Когда ты читаешь книгу, следишь за развитием сюжета, а в какой-то момент ловишь себя на мысли, что думаешь о каких-то своих проблемах, а взгляд по инерции скользит по странице, и ты вроде бы даже не успел потерять нить повествования. Сознание как бы раздваивается. Ты вроде бы чувствуешь, что способен пересказать прочитанное и в то же время твои мысли уже совсем не в книге.

– Забавная мысль – ответила жена даже не подняв головы – Думаю да, что-то похожее есть и у меня.

Она сидит напротив и неторопливо листает журнал.

– Как интересно устроено сознание, оно постоянно возвращает нас к нашим проблемам и тревогам. И это не смотря на то, что я не нахожу вот эти обыденные вопросы сколь бы то ни было важными для меня сейчас. Ну не настолько, чтоб поглотить все мое внимание. Никогда об этом не думал,

но теперь не могу избавиться от этой мысли. Может со мной что-то не так?

Жена отвлекается от журнала.

– Ну не знаю. Не думаю. Просто ты хороший человек и муж и для тебя немаловажно, что происходит в твоё семье. Разве это плохо? – улыбнулась она.

Как забавно, что она об этом подумала, ведь я думал совсем о другом. Я пытаюсь не дать увести свою мысль в сторону:

– Ну... И все же мне трудно смириться с тем, что человек... ну вот возьми эту книгу. Трудно представить, что все это, не плод кропотливой работы мысли, а слова всплывающие в воздухе. И я не думаю, что её текст приснился автору. Каждое слово здесь выверено, а мысль легко доносится до сознания. Кажется невозможным сотворить что-то подобное каждый раз отвлекаясь на пустяки...

Я осекся. И меня пугает даже не то, что супруга может неверно истолковать мои слова. Я вдруг осознал, что похоже именно так я и думаю. Силюсь подобрать слова, чтоб выправить свою мысль, но момент утерян и я молчу.

– Знаешь, вот сейчас меня немного уязвила твоя мысль. Ты рассуждаешь, что наша семья что-то второстепенное, не заслуживающее внимания.

– Не передергивай. Я рассуждаю, о том как устроено сознание. Ну хорошо, мое исключительное сознание. Я к тому... Ну вот есть у тебя в голове мысль. Интересная мысль.

Неожиданная. И ты хочешь ее развить. Ты осматриваешь ее, словно художник свою картину. Отходишь на шаг назад, склоняешь голову на бок, пытаешься, возможно, увидеть ее с другой точки зрения. И единственное, чего ты подспудно боишься, что вот-вот твоя мысль начнет ускользать. Словно какой-то «завиток холста» натолкнет тебя на другую мысль, и вот ты уже увлечен новой идеей. Например, что не плохо бы перекрасить спальню. И этого я боюсь. Это меня тревожит. И я начинаю опасаться, что никогда не закончу эту мысль.

Виски нагреваются, кажется я распляжусь.

– Может, давай поговорим о чем-то другом? Кажется ты немного не в духе.

Я молчу, словно не услышал ее вопрос. Я снова смотрю в окно, погрузившись в свои мысли.

Внезапно продолжаю, как будто не прервал разговор до этого:

– А может все гораздо проще. Может любая начатая мысль имеет свой жизненный цикл. И если ты не успел завершить ее, пока она не стерлась в памяти, то уже не завершишь никогда. А все остальные мысли, попроще, они не следствие, они лишь способ заполнить пустоту в твоем сознании, до рождения очередной, свежей мысли. Вот сейчас, я например чувствую, что теряю запал. Кажется я уже не знаю куда дальше развить эту мысль и у меня нет ответов на этот вопрос.

Жена встревоженно смотрит на меня и молчит.

– Интересно она вернется? – вполголоса, как будто «про

себя», добавляю я.

— Кто...? Что...? Мысль? — немного раздраженно спрашивает жена.

— А?

Я неловко улыбаюсь. Потом соображаю о чем говорил и поясняю:

— Да, мысль. Не бери в голову. Что-то я сегодня хандрю. Кажется погода за окном на меня так действует.

Я снова открываю книгу и читаю. Тем более, что зимние сумерки стремительно начинают сгущаться за окном.

Далеко впереди, за окном, начавшийся как слабое свечение, со стремительной скоростью удлиняется мощный пучок света, распугивая в разные стороны хлопья снега. Локомотив неотступно следует за ним, окутанный дымкой из смеси снежных хлопьев и пара рвущегося от перегретых колес. А следом, один за другим, в окне появляются вагоны.

— Смотри, сейчас будет перегрузка — с улыбкой говорю я, не отрывая взгляда от окна.

— Почему? — голос ее встревожен.

— Входим в затяжной, но довольно крутой поворот. Как "американские горки", только не вверх-вниз, а в разные стороны.

Словно вспомнив ощущения на этом аттракционе, она по-

глубже вжимается в кресло и ее пальцы погружаются в мягкие кожаные подлокотники, проверяя, уверенно ли они держаться.

– Скоро привыкнешь. Их будет много. Рано или поздно тебе надоест готовиться к каждому такому повороту. Просто расслабься и получай удовольствие – я пытаюсь ее успокоить.

Ее расширенные глаза и приподнятая бровь буквально требуют от меня разъяснений.

– Мы подходим к горам, разве ты не заметила, что мы довольно долго поднимались вверх?

Тем временем гул от колес нарастает. Чувствуется, что теперь они не просто следуют "проторенной дорожке", а стараются не вылететь с нее. И вот наш вагон тянет вправо. Я наваливаюсь на локоть, стремясь побороть выросшую тяжесть тела.

– Видишь как весело.

– Очень – кривится жена – Напомни мне, почему я согласилась поехать поездом?

– Потому, что это быстро и безопасно.

– Не вижу ничего безопасного в том, что нас всю дорогу будет так мотать. А это точно безопасно?

– Ну знаешь, не припомню, чтоб слышал об катастрофах на этой линии... Нет... не думаю, что это опасно. И потом, за много лет у меня ни разу не было ощущения, что он сейчас выскочит из колеи. Идет как по рельсам – я смеюсь – ка-

ламбур получился...

– А мне не очень смешно. Погода за окном, знаешь, не добавляет уверенности.

– Оо... Не будь занудой. Это необычные ощущения, тебе должно быть интересно их испытать.

Поезд снова выпрямляется в прямую линию и теперь слегка забирает влево.

В дверь купе легко постучали. Жена вскинула брови и выжидающе смотрит на меня. Я нахмурился, глубоко вздохнув. Меня раздражает эта глупая обязанность и я отвечаю жене взглядом, давая понять, что помню об этикете и ей не стоит так вызывающе напоминать мне об этом.

– Да, войдите.

Дверь купе открылась. В проходе стоял проводник нашего вагона – худощавый, высокого роста, но довольно сутулый мужчина, отчего вся внушительность его роста совсем не чувствовалась. На его лице тот отпечаток угодливости, свойственной людям долгое время проработавшим в сфере обслуживания.

Наверно неудобно с таким ростом смотреть на клиентов – подумал я – может быть поэтому жизнь заставила его согнуться, все таки его рост это скорее недостаток в такой работе. Не всем нравится когда на них смотрят свысока.

– Мадам... Сэр... Все ли у Вас хорошо? Вам достаточно удобно?

Он склонился, словно хотел сократить расстояние, чтоб

услышать все наверняка.

– Да, все в порядке – ответил я и посмотрел на свою спутницу. Она потихоньку ерзает, вцепившись в подлокотники, словно на «низком старте» ожидает условного сигнала, чтоб сделать свое заявление после стандартного обмена любезностями. Я отвел взгляд к окну.

– А я бы хотела уточнить? Вот то, что наш поезд несется с такой скоростью, это нормально? Машинисту не кажется, что это чересчур, с таким снегопадом за окном?

– Смею вас заверить, мадам, что наш машинист выбирает наилучшую скорость, чтоб наши пассажиры ехали с должным комфортом и удобством, и при этом как можно быстрее достигли своих станций. Мы делаем все необходимое, чтоб обеспечить максимальную безопасность всех наших пассажиров.

– И все же, вы могли бы узнать все ли там в порядке? Может быть он потерял сознание и теперь несется сам того не ведая?

– Дорогая...

Резкий карающий взгляд был мне ответом.

– Да, мадам. Я сделаю все необходимое и обязательно сообщу вам о результатах.

Проводник сделал легкий поклон.

– Я могу сделать для вас что-то еще? Может быть чай? – спросил он.

– Нет, все в порядке – ответил я, давая понять, что ему

пора.

– Мадам... Сэр...

Он снова слегка кланяется и отступив на шаг назад, аккуратно закрывает дверь купе.

– Вот ты заметил? Они всегда отвечают с тем непроницаемым выражением лица, словно им плевать на то, что вокруг происходит? – спросила жена. Кажется она немного уязвлена.

– Думаю ты сгущаешь краски. Кажется ты была достаточно убедительна, чтоб он всерьез отнесся к твоей просьбе. Поверь, через пол часа его довольная физиономия отрапортует тебе, что он все узнал и может тебя заверить, что у машиниста все под контролем.

– Ага, да он уже и думать забыл. Мы увидим его не раньше очередного обхода, когда он, не моргнув и глазом, заявит мне, что выполнил мою просьбу и теперь с уверенностью может мне сказать, что все в порядке.

– Ну ты так или иначе получишь свой ответ – улыбнулся я.

– Но дело же не в этом. Дело в безопасности. Сейчас он легкомысленно отнесется к свои обязанностям, затем машинист, а итог? Мы все в канаве.

– Или хуже того – торжественно отвечаю я – в пропасти.

– Не ёрничай. Ты же понимаешь о чем я – огрызнулась она. А затем надменно и слегка наигранно отвернулась к окну.

Я вынул большой палец из страниц, в том месте где за-

ложил его и захлопнув книгу, слегка шлепнул по обложке ладонью. Жена возмущенно приподняла бровь, снова повернувшись ко мне, словно проверяя достаточно ли у меня оснований, чтоб так шуметь.

Я отложил книгу на диван, поодаль от себя, и молча, в упор, смотрю на жену. Она чувствует на себе мой взгляд и ее глаза бегают, словно сопротивляются естественному порыву взглянуть в ответ.

Наконец не выдержав, она смотрит мне в глаза и вскинув голову с вызовом спрашивает:

– Ну что?

– Ничего.

– Почему же ты на меня так нагло смотришь?

– Ну что ты, дорогая. Тебе показалось – язвительно парирую я.

Она снова резко вызывающе отворачивается. Она делает так очень часто. Наигранно начинает дуться и строить из себя недотрогу. В нашем возрасте это одна из немногих возможностей проявить чувства, отличные от обыденных – досады и усталости. А впрочем еще и нежности, и какой-то стерильной, неестественной радости. Мне это нравится. Так я каждый раз, словно вновь завоевываю ее.

– Думаешь он уже там? – спросил я, бессмысленно глядя

в темноту за окном.

– Кто? Твой брат? – откликнулась она, оторвавшись от журнала и открыто глядя мне в глаза.

Ее лицо приобрело то, холодно-безразличное выражение, которое всегда проявляется, когда наши разговоры касаются семьи – словно ничего нового она не надеется услышать, ведь все это мы обсуждали множество раз.

– Да...

– Конечно уже там. Ты же сам знаешь.

– Знаю. И мне снова придется пройти через это.

– Несомненно.

– Вот хоть бы раз, его очень важные дела не позволили ему явиться раньше и не успеть подстроить ее настроение на этот, удобный ему, лад.

– Почему это так тебя раздражает? Это ведь значит, что только когда он держит все под контролем, ему комфортно. Это проявление слабости.

– Ты считаешь? Но почему они не видят этого? Почему потакают ему?

– Они и его родители. Боюсь они этого просто не замечают. А даже если и замечают, разве не должны они проявить терпение.

– О нет. И ты туда же. Я тоже их сын, но никогда не чувствовал ничего похожего по отношению к себе. Мои слабости не были поводом для снисхождения.

– Ты начинаешь себя жалеть и становишься жалким.

– Вовсе нет. Просто у меня это никак ну укладывается в голове. Кажется и ты теперь защищаешь его.

– О боже, не пори чушь. Я вижу это так же как и ты. Это тоже раздражает меня. Но просто выкинь это из головы. Если ты накрутишь себя и явишься к ним таким, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Постоянно кручу это в голове, но все равно не могу к этому привыкнуть. Эти его снисходительные манеры, когда он появляется за спинами родителей с бокалом вина и невинно так наблюдает как мы приветствуем друг друга. А затем небрежно, мимоходом приветствует меня, словно мы отвлекли их от чего-то важного и нам всем нужно быстрее покончить с ритуалом, чтоб он мог продолжить очередной важный рассказ о своих успехах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.